

Элен Мейксинс Вуд

ЛОГИКИ ВЛАСТИ:

ДИСКУССИЯ С ДЭВИДОМ ХАРВИ¹

Редакторы издания «Исторический материализм» пригласили Дэвида Харви и меня, чтобы мы прокомментировали работы друг друга. Вне всякого сомнения, они надеялись вызвать между нами оживленную дискуссию. Это вполне объяснимое желание, и я постараюсь его исполнить. Однако у нас с Харви наблюдается согласие по столь многим вопросам, как аналитическим, так и политическим, что акцент на различиях может создать неправильное представление. И все же, как мне кажется, эти различия могут помочь прояснить некоторые детали, касающиеся нас обоих, а также, может быть, и еще кого-то. Поэтому позвольте мне начать с указания на те различия, которые есть в наших позициях, затем я постараюсь проследить, какие дальнейшие следствия эти различия могут иметь. Данная задача, в свою очередь, потребует от меня изложения моей собственной точки зрения, отличной от позиции Харви. Учитывая отведенный мне объем, я ограничусь лишь небольшим наброском своих взглядов. При этом я заранее приношу извинения всем тем, кто уже знаком с моими работами, за возможный повтор.

ДВЕ ЛОГИКИ ВЛАСТИ

Харви начинает с проведения различия между «логикой территории» и «логикой капитала», которые представляют собой две различные «логики» власти. Затем он анализирует капиталистический империализм «в понятиях пересечения этих разных, но при этом тесно связанных логик власти» — пересечения, «являющегося проблематичным и зачастую даже про-

¹ Перевод по изданию: Wood E. M. Logics of Power: A Conversation with David Harvey // Historical Materialism. 2006. Vol. 14. No. 4. P. 9–34.

тиворечивым (то есть диалектичным)»². Этот особый тип империализма, как предполагает Харви, является

противоречивым смешением «политики государства и империи» (империализм как сугубо политический проект акторов, власть которых опирается на владение территорией и способность мобилизовать ее человеческие и природные ресурсы во имя политических, экономических и военных целей) и «молекулярного процесса накопления капитала в пространстве и времени» (империализм как распространяющийся в пространстве и времени политико-экономический проект, в котором на первый план выходит контроль за капиталом и его использование)³.

Разграничив территориальную и капиталистическую логику, Харви поднимает вопрос о том, каким образом эти различные и зачастую расходящиеся в разные стороны импульсы могут сочетаться благоприятным для накопления капитала образом. Как предполагает Харви, территориальная экспансия способна оказать губительное влияние на накопление капитала. Политические проекты империи могут чинить препятствия накоплению, кроме того, контроль за территорией — очень накладное дело. Однако одновременно накопление капитала остро нуждается в этой экспансии власти (в политическом смысле). Харви с одобрением приводит тезис Ханны Арендт о том, что «никогда не прекращающееся накопление собственности должно опираться на никогда не прекращающееся накопление власти. [...] Бесконечный процесс накопления капитала нуждается в политической структуре, обладающей столь „бескрайней властью“, чтобы она могла защитить все большую собственность своей все большей властью». Эта нужда и объясняет подъем империализма⁴. Подразумевается, что глобальное накопление капитала требует глобального политического контроля, осуществляемого «политической структурой», исполняющей для глобального капитала ту же роль, что национальное государство для национального капитала.

История «буржуазной» Европы, как пишет Харви, следуя в этом аспекте за Джованни Арриги, является историей «огромной как никогда и все расширяющейся власти»: когда каждый из успешных доминантных городов-государств или наций понял, что его собственная политическая власть является недостаточной для поддержания экономической гегемонии, он был заменен еще большим государством, обладающим еще большей властью и еще большими ресурсами — от Объединенных провинций к Соединенному Королевству, а затем и к Соединенным Штатам. Из этого следует, продолжает Харви, что «любой гегемон, если он желает идти в ногу с бесконечным накоплением капитала, должен до бесконечности искать пути продления, расширения и укрепления собственной власти»⁵ и ежели все большее накопление поли-

² Harvey 2003, p. 30.

³ Harvey 2003, p. 26.

⁴ Harvey 2003, p. 34.

⁵ Harvey 2003, p. 35.

тической власти окажется невозможным, то тогда бесконечное накопление капитала обратится в хаос, окончив эру капитала не революционным взрывом, но мучительной анархией⁶.

Таким образом, позиция Харви опирается на тезис о существовании не редко противоречивой взаимосвязи между политической и экономической «логиками» капитализма. Проблема здесь возникает мгновенно. Когда он пишет о том, что «принципиально важно увидеть, что территориальная и капиталистическая логики власти отличаются друг от друга», и понять, что они «зачастую соперничают друг с другом, иногда вплоть до открытого антагонизма»⁷, то не совсем понятно, о каком именно различии и антагонизме он повествует.

С одной стороны, его позиция вращается вокруг тезиса о том, что бесконечное накопление капитала требует бесконечного накопления политической власти. Если тут и возникает «противоречие», то самое незначительное: потребность капитала в бесконечной политической экспансии с неизбежностью вступает в конфликт с недовольством капитала теми издержками, с которыми эта экспансия связана; кроме того, продвижение капитала может быть затруднено политическим аппаратом имперского господства. Есть еще более сильный тезис: существуют две различные имперские логики: одна связанная с экономическими процессами накопления капитала, а другая — с «сугубо политическим проектом», продвигаемым «актерами, власть которых опирается на их контроль за территорией и на их способность мобилизовать человеческие и природные ресурсы последней во имя политических, экономических и военных целей». Это приводит к двум совершенно различным имперским мотивам: мотив накопления капитала, реализуемый капиталистами или теми, кто действует в их интересах, и совсем другой мотив осуществления территориальной и политической экспансии, реализуемый «актерами», мотивации, интересы и источники власти которых отличаются от капиталистических. Эти последние «акторы» напоминают тех, кто в докапиталистических обществах извлекал прямую выгоду из обладания государственной властью и теми возможностями присвоения, которые данная власть предлагала в форме налогов и податей. Другими словами, территориальная логика такого рода в своей основе неотличима от той, что двигала докапиталистический империализм. В этом смысле она может трактоваться как противоположность капиталистическим импульсам: «Что ставит империализм капиталистический отдельно от всех прочих концепций империи, так это тот факт, что в нем обычно доминирует капиталистическая логика, однако же [...] случается, что и территориальная логика выходит на первый план»⁸. Здесь речь идет уже о более фундаментальном противоречии, однако, если в теоретической схеме Харви данный аспект достаточно весом, то в его эмпирическом анализе истории или нынешней конъюнкту-

6 Harvey 2003, p. 36.

7 Harvey 2003, p. 30.

8 Harvey 2003, p. 33.

ры ему не отводится никакой значимой роли. Можно даже утверждать, что его собственная концепция империализма противоречит данному определению политической логики⁹.

Далее я сосредоточусь на рассмотрении тезиса о том, что бесконечное накопление капитала требует бесконечного накопления политической власти. Мне кажется, что это основное положение того анализа, который проводит Харви. При этом читатели должны обратить внимание на то, что, излагая свой собственный подход, я попытаюсь предложить альтернативу не только вышеуказанному тезису, но также более абстрактному теоретическому разделению двух логик, которое проводит Харви.

Моя собственная позиция, изложенная в работе «Империя капитала»¹⁰, вытекает из проводимого мной формального разделения между «политическим» и «экономическим» в капитализме и из того влияния, которое оказывает данное разделение на роль государства в накоплении капитала. Я осмысливаю капиталистический империализм, исследуя отношения между экономической властью добавочного присвоения и «сверхэкономической» властью управления и принуждения, которая эту экономическую власть поддерживает. Безграничное расширение капитала возможно благодаря его уникальной способности абстрагировать себя от «сверхэкономической» власти. Одновременно это абстрагирование делает для капитала возможным и необходимым опору на внешнюю по отношению к нему «сверхэкономическую» власть, носителями которой являются территориально ограниченные, основанные на праве военные организации. Глобальный капитал обслуживается не глобальным государством, но глобальной системой множества территориальных государств. Суть «нового империализма» заключается не в том, чтобы вечно расширяющаяся политическая структура догнала по своему размаху накопление капитала, но в установлении комплексных отношений между экономическим размахом капитала и территориальными государствами, которые организуют и усиливают глобальную гегемонию этого капитала.

На мой взгляд, отношения между экономической и политической властью в капитализме в определенном отношении диаметрально противоположны тому, как их описывает Харви. Тогда как он утверждает, что все расширяющееся накопление капитала должно сопровождаться все более расширяющейся политической властью и все более расширяющимся контролем над территорией, и что именно в этом заключается суть капиталистического империализма, я утверждаю прямо противоположное: специфика капиталистического империализма заключается в уникальной способности капитала навязывать свою власть *без* расширения территориальной политической

9 Роберт Бреннер в своей статье из этого же номера утверждает, что сами доказательства, приводимые Харви, противоречат тому упору, который он делает на автономию политической логики, и полностью совместимы с гораздо более привычным взглядом, согласно которому политическая власть реагирует на запросы капитала, стремящегося к накоплению.

10 Wood 2005.

власти. Во всех прочих разновидностях империи размах власти напрямую зависел от размаха геополитической и военной силы. Лишь капитализму удалось создать исключительно *экономическую* форму господства.

Таким образом, Харви начинает с предпосылки о том, что капиталу необходимо «расширять свой географический контроль» желательно в форме территориального господства. Верно, пишет он, что самый последний мировой гегемон, США, изобрел особую форму империализма, которая формально признает независимость тех стран, над которыми она властвует. Однако эта разновидность империализма все же удовлетворяет его основному тезису, ибо, как считает Харви, речь идет всего лишь об идеологическом прикрытии, используемом, прежде всего, по соображениям внутренней политики. Отчасти это делается для успокоения внутреннего потребителя, но по большому счету для маскировки все тех же самых имперских амбиций, которые двигали территориальными колониальными империями времен классического империализма. В противовес Харви я утверждаю, что США — первая настоящая капиталистическая империя именно в силу того, что это — первый имперский гегемон, обладающий экономической властью, необходимой для того, чтобы обходиться без территориальных амбиций, поддерживая свою гегемонию посредством экономических императивов капитализма. Одновременно все это поддерживается новыми «сверхэкономическими» и военными возможностями. Изобретение империализма «открытых дверей» было не просто идеологическим ухищрением или вынужденной альтернативой, навязанной США стойкими внутренними антиколониальными настроениями. Это был *лучший вариант* для власти, позволяющий поддерживать ее гегемонию, минуя сопутствующие расходы и риски прямого политического управления или территориального контроля. После того как США завершили экспансию на западе своего собственного континента, насильственно истребляя автохтонное население, они предпочли в общем и целом так называемую неформальную империю, не сопряженную с колониальным правлением.

Имей предыдущий капиталистический гегемон, Великобритания, возможность продолжать и в XIX веке эксплуатировать Индию как коммерческий ресурс, не прибегая при этом к непосредственному колониальному управлению и военному деспотизму, она, вне всяких сомнений, именно это и делала бы. В самой Великобритании и среди ее правящих классов было сильное противодействие превращению благодаря Восточно-Индийской кампании их империи из коммерчески выгодного предприятия в собирающего дань гегемона докапиталистического типа. Какие бы споры ни шли относительно конечной выгоды присутствия империи в Индии (есть достаточно доказательств того, что это присутствие могло принести общий ущерб, если и не каким-то частным экономическим интересам, то всей экономике Великобритании в целом), невозможно отрицать, что превращение Британии в территориальную империю было делом очень обременительным и затратным. Сам же Харви высказывает предположение о том, что Британия получала гораздо больше от своих преимуществ на открытом рынке,

чем от своего имперского присутствия в Индии. Совсем не маловажно, что Британия очень выгодно пользовалась преимуществами своей собственной «неформальной» «свободной» империи в Канаде, Австралии и Латинской Америке, а также массовыми инвестициями в территории, не находящиеся под ее прямым контролем¹¹.

Что что, а стремление к колониальной экспансии в век классического империализма, как утверждает Эрик Хобсбаум,

было больше присуще экономически менее динамичным метрополиям, оно выступало в качестве потенциальной компенсации за их экономическую и политическую ущербность в сравнении с конкурентами — а в случае Франции, за их демографическую и военную ущербность¹².

Для основных индустриальных лидеров, Германии и США, «формальная колонизация» не была «основным аспектом» глобальной экономической экспансии; даже для Британской империи целью в то время была «не экспансия, но защита от желающих покуситься на те территории, которые до этого [...] находились под контролем британской торговли и британского капитала»¹³. Сегодня, как впрочем и ранее, просто глупо утверждать, что капиталу, чтобы избавляться от излишнего капитала же, требуется контроль за территориями колоний, особенно имея в виду то, что инвестиции по большому счету все еще переходят из одной развитой капиталистической экономики в другую.

Если мы ищем противоречия капиталистического империализма, то, как мне кажется, мы не обнаружим их в нереализованной потребности соразмерности между политической властью, подразумевающей территориальный контроль, и географическим размахом накопления капитала. Не обнаружим мы их и в простом противоречии, существующем между накоплением капитала и теми издержками, которые подразумеваются политическим доминированием, а также в антагонистических отношениях между накоплением капитала и неким докапиталистическим стремлением к территориальной экспансии. Однако противоречия существуют и они намного более остры, чем все описанное выше. Но для того чтобы выявить их в том виде, как я их понимаю, необходимо вернуться на несколько шагов назад.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ

Позвольте мне вернуться к первому положению Харви. К его основополагающему разделению между империализмом, основанном на контроле за капиталом, с одной стороны, и империализмом как особым политическим проектом тех акторов, власть которых опирается на распоряжение территорией и способность мобилизовать ее человеческие и природные ресурсы во имя политической, экономической и военной цели («политика государ-

¹¹ Hobsbawm 1989, p. 75.

¹² Hobsbawm 1989, p. 76.

¹³ Hobsbawm 1989, p. 75.

ства и империи») — с другой. Отложив на мгновение логику капитала, я готова допустить существование такого феномена, как империализм «политического» рода, имеющий описанные Харви свойства, я также согласна, что последний отличается от накопления капитала. Однако для меня эта «политическая» форма империализма, в которой эксплуатация колонизированных людей и ресурсов зависит от политического доминирования и прямого контроля над территорией, есть сущность докапиталистических империй. Это не равносильно отрицанию того факта, что капиталистические власти принимали участие в колониальных кампаниях, особенно в прежние годы. Не равносильно это и отрицанию того, что вплоть до сего дня возможны обстоятельства, когда территориальное господство осуществляется во имя сугубо капиталистических целей. Однако развитие капитализма привело к империализму иного рода, не зависящего от прямого политического управления или контроля над территорией.

Капиталистическая эксплуатация вне всяких сомнений нуждается в политической поддержке, однако «логика» политического была трансформирована капиталистическими общественными отношениями. Роль «политического» в поддержании капиталистической формы экономической эксплуатации отличается от его роли в докапиталистических обществах. В обществах, в которых добавочный доход добывался за счет мер прямого принуждения в форме правового, политического или военного доминирования, «политическое» играло непосредственную роль в получении этого добавочного дохода. Так, например, во многих докапиталистических государствах возможность приобретения зависела от прямой причастности к государству или к какой-то его части в форме государственного чина и того доступа к налогам, который тот открывал. В иных случаях власть приобретения вытекала из исполнения определенных юридических, политических или военных функций, а также из неких правовых привилегий. В феодализме власть приобретения зависела от правового, политического и военного статуса феодального лорда. Экономическая власть этого лорда и его право собирать налоги простиралась ровно настолько, насколько простиралась его политическая власть. Если сказать то же самое иначе, то собственность в такого рода обществах была «конституирована политически» (согласно многому разъясняющему выражению Роберта Бреннера). Докапиталистический империализм, практикуя формы не капиталистического приобретения (захват территорий или собиранье дани), следовал той же самой логике. Это значит, что накопление собственности и накопление политической власти были связаны друг с другом самым тесным образом, как это и утверждают Арендт и Харви; экономическое приобретение действительно требовало соответствия со стороны политической власти. Но происходило это в силу того, что эти общества не были капиталистическими.

При капитализме собственность существует независимо от политической власти, а «политическое» в своей сущности второстепенно для процесса приобретения. Контроль за непосредственным производителем означает, что у тех, кто этот контроль осуществляет, нет нужды в прямой поли-

тической власти, служившей прежним классам эксплуататоров средством получения добавочного дохода. Если феодальная собственность подразумевает политическую власть феодального лорда, власть приобретения, неотделимую от правовых, политических и военных функций, то в капитализме контроль за собственностью ведет к исчезновению необходимости в прямом управлении правовым, политическим и военным аппаратом. Эксплуатация больше не связана с осуществлением каких-либо общественных функций. Политическая власть в форме государства, отделенного от частной собственности, — существенное средство в деле защиты собственности, поддержания общественного порядка и условий накопления, однако капитал напрямую не использует данную власть в качестве средства извлечения прибавочного труда из своих рабочих. Как и во всякой другой системе, основанной на эксплуатации, эта эксплуатация имеет два «асpekта»: присвоение добавочного труда и принуждающая власть, которая все это боится. Капитализм отличает именно то, что при нем эти два «асpekта» уникальным образом разведены.

Таким образом, капитализм трансформировал политическую сферу в целом ряде направлений. Когда мы говорим о разделении политического и экономического при капитализме, то это значит не просто существование автономной экономической сферы, аналогов которой ранее не было, но также существование совершенно особой *политической* сферы. Один из способов описать «политическое» при капитализме — это сказать, что многие из тех функций, которые ранее принадлежали той или иной публичной власти или общинному авторитету были облачены в частную собственность и переданы в особую экономическую сферу. Многие аспекты общественной жизни были выведены за пределы досягаемости политической власти и подчинены экономическому господству капитала. В современных «демократиях» это означает их выведение за пределы сферы демократической подотчетности. Важным следствием из этого является то, что тогда как присваивающий класс утратил прямую политическую власть (в ее общественном измерении), а вместе с тем и целый ряд форм персонального контроля за жизнями классов производителей вне непосредственного производственного процесса, организация производства оказалась беспрецедентным образом сосредоточена в его руках.

Другими словами, автономная «экономическая» сфера создала новые формы господства. В капитализме как те, кто присваивают, так и те, кто производят, оказываются в отношении основополагающих условий своего воспроизводства в зависимости от рынка. Отношения между ними также регулируются рынком. Рабочие работают для производства прибыли, они не могут заработать даже на удовлетворение своих собственных потребностей без того, чтобы не принести прибыль капиталисту. Они не могут получить возможность обеспечить свою жизнь и свое воспроизводство, не могут приблизиться к самому труду без того, чтобы не продать свою рабочую силу в обмен на зарплату. Следовательно, то господство, которому они подчинены, коренится в их зависимости от рынка. Тот факт, что капиталисты

так же зависят от рынка и подчинены его безликим императивам — императивам конкуренции и накопления, двигающим капиталистическую систему, — не ставят капитал на один уровень с трудом. Наоборот, рыночные императивы вынуждают капитал максимизировать прибыль за счет извлечения еще большей прибавочной стоимости из труда; позиция капитала на рынке дает ему новую форму господства над рабочими. Таким образом, рыночные отношения между двумя классами не сокращают, а, наоборот, лишь усиливают отношения доминирования. К этому еще нужно прибавить способность капитала манипулировать рынками.

Капиталистический империализм расширяет эту чисто экономическую форму эксплуатации за пределы границ национального государства, опираясь (по сути, навязывая и продвигая) на рыночную зависимость подчиненных экономик. Глобальный капитал может накапливаться посредством «экономических» средств по мере того, как экономики встраиваются в орбиту глобального рынка и становятся подвластными экономическому давлению, которое осуществляют основные капиталистические державы. В той степени, в какой эта эксплуатация не требует прямого территориального контроля или политического доминирования над колонизированным народом имперских государств, можно утверждать, что это не «империализм» в сколько-нибудь значимом смысле. Я вижу основания придержать данное слово для тех отношений эксплуатации, которые подразумевают прямое политическое и территориальное господство. Однако одновременно я склонна утверждать, что если мы не хотим использовать термин «империализм» для описания особого экономического господства, порожденного капитализмом, то у нас могут возникнуть трудности в описании отношений между капиталом и трудом как именно *классовых* отношений, потому что они отличаются от докапиталистических форм классовой эксплуатации в той же степени, в какой капиталистический империализм отличается от прежних империй. В обоих случаях сверхэкономические формы прямого господства, направленные на эксплуататорское присвоение, вытесняются экономическими формами, действующими через рынок. В отсутствие лучшего слова я продолжу говорить об особой форме экономического империализма, возникающего при капитализме.

Таким образом, в тех взаимоотношениях, которые при капитализме устанавливаются между экономическим и политическим, уникальным оказывается не нужда капитала в бесконечном накоплении политической власти, но скорее уникальная способность экономической власти *дистанцироваться* от прямого политического принуждения. Экономическая сфера при капитализме обладает своими формами принуждения, которые делают эксплуатацию и накопление капитала возможными без прямого использования сверхэкономической силы. На глобальном уровне мирового рынка эта экономическая сфера может расширяться, руководствуясь своей собственной логикой, и без территориального расширения политической власти или имперского государства. Возможны случаи, когда капиталистическое государство будет искать пути расширения своего политического контроля во имя различных

геополитических соображений, однако процесс глобализации капиталистической экономической власти не зависит от размаха политического доминирования. Это означает не только то, что капитализму удалось создать новые формы господства, но также и то, что экономическая гегемония может простирается далеко за пределы непосредственной политической власти или территориального контроля. По сути, способность капитала к беспрестанному расширению зависит от его возможности дистанцироваться от политической власти. В этом заключается уникальная сила капитализма, однако одновременно это — причина новых противоречий.

ПРИМИТИВНОЕ НАКОПЛЕНИЕ И «НАКОПЛЕНИЕ ЧЕРЕЗ ЛИШЕНИЕ СОБСТВЕННОСТИ»

К этим противоречиям я вернусь позже. В доводах Харви есть еще один аспект, который может помочь прояснить различия между нами. Речь идет о размышлениях Харви о «примитивном накоплении», играющих существенную роль в его осмыслении современного империализма. В этом месте Харви снова цитирует Арендт, рассуждающую о «первородном грехе банального воровства, которое столетия назад сделало возможным „первоначальное накопление капитала“ (Маркс) и которое стало причиной всякого дальнейшего накопления». Позже это воровство должно было совершаться еще и еще раз, чтобы «мотор накопления неожиданно не заглох»¹⁴. Эти процессы, согласно Арендт, суть механизмы накопления капитала при империализме. Харви продолжает развивать ее тезис в своей концепции «накопления через лишение собственности». Он утверждает, что опирается на концепцию «примитивного» или «первоначального» накопления Маркса, однако Маркса Харви критикует за то, что на эти процессы у него был слишком ограниченный взгляд. В частности, он заявляет, что Маркс разделял ряд изначальных посылок с классической политической экономией, которая

низводила накопление, основанное на хищничестве, обмане и насилии, до ранга «исходного состояния», которое полагалось не имеющим значения для сегодняшнего дня или, как утверждала Люксембург, находящимся «вне капитализма» как закрытой системы¹⁵.

Эти процессы «накопления через лишение собственности», настаивает Харви, продолжили быть частью империализма на протяжении всей капиталистической эры и сегодня снова выходят на первый план в «новом» империализме. Особенно хорошо, как считает Харви, это видно на примере приватизаций, осуществляемых в тех экономиках, которые находятся в подчинении.

На поверхностном уровне здесь не о чем спорить. Однако при подробном рассмотрении может обнаружиться существенное расхождение между пони-

¹⁴ Harvey 2003, p. 142.

¹⁵ Harvey 2003, p. 144.

манием «примитивного накопления» Харви и моим собственным. Это может оказать влияние на наше понимание «нового империализма». Не исключено, что я уделяю слишком большое внимание замечанию Харви о том, что Маркс «следовал за Адамом Смитом» в своей концепции примитивного накопления. Нет никаких сомнений в том, что Маркс продолжал линию Смита и прочих классиков политической экономии, когда развивал свое собственное представление об условиях возникновения капитализма. Однако, как мне показалось, Харви приписывает Марксу позицию, не сильно отличающуюся от позиции Смита, и что он, хотя и оспаривая тезис классической политической экономии о том, что данный процесс относится исключительно к предьстории капитализма, при этом на фундаментальном уровне разделяет понимание этого процесса Смитом.

Мне же ситуация видится иначе. Во-первых, на мой взгляд, концепция «примитивного накопления» представляет собой один из наиболее значительных разрывов между Марксом и классической политической экономией. Он не зря ссылается на это классическое понятие как на *так называемое* примитивное накопление. Его намерение — дистанцироваться от этой идеи в том ее виде, в каком она предстает у Смита и прочих. Классическая политическая экономия утверждает, что капитализм или зрелое «коммерческое общество» возникает в тот момент, когда оказывается накопленной критическая масса богатства, что делает возможным инвестирование. Маркс же, наоборот, утверждает, что никакое накопление, чем бы оно ни было вызвано: откровенным воровством, империализмом, коммерческой выгодой или даже эксплуатацией труда во имя коммерческой выгоды, никогда само по себе не составит капитала и не даст толчок к развитию капитализма. Капитал в его понимании, это не просто богатство разного рода, но особые общественные отношения. Эта трансформация затем вызывает к жизни особые императивы конкуренции, максимизации прибыли, необходимости reinvestировать излишки, а также *нужды* повышать производительность труда через развитие производительных сил. *Настоящее* «примитивное накопление» (даже сам этот термин может увести в неправильную сторону) — это экспроприация, направленная на сельскохозяйственного производителя, в особенности в том виде, как это случилось в Англии XVI века, когда лендлорды собирали арендную плату с коммерческих прибылей арендаторов, а многие мелкие производители лишились собственности и превратились в наемных рабочих. Это лишение собствен-

НЕСОМНЕННО, НЕКОТОРАЯ КОНЦЕНТРАЦИЯ БОГАТСТВА НЕОБХОДИМА, ОДНАКО СУЩЕСТВЕННЫМ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМ УСЛОВИЕМ КАПИТАЛИЗМА ЯВЛЯЕТСЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ И ОТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ

ности было значимым не только в силу того, что оно способствовало концентрации богатства в руках крупных собственников, которое они затем могли реинвестировать, но в силу того, что оно (лишение) создавало новые общественные отношения между теми, кто присваивал, и теми, кто производил. Последнее обстоятельство навязывало новые императивы и новые «правила воспроизводства», включая растущее *принуждение* реинвестировать добавочные доходы и максимизировать прибыль, в частности, за счет увеличения производительности труда. Истоки капитализма не в концентрации богатства. Их следует искать в установлении рыночных императивов зачастую через принудительные меры и всегда через болезненные трансформации.

Таким образом, даже если Маркс и верил в то, что некоторая степень богатства была необходимым предварительным условием капиталистического развития, есть все основания задать вопрос: насколько значимым должно было быть это накопление, чтобы сделать возможным возникновение капитализма? В конце концов, он считал, что только в Англии произошла «классическая форма» настоящего «примитивного накопления», а случилось все это тогда, когда богатство Англии было очень скромным по сравнению, например с богатством Испании. Случившимся в Англии и не случившимся нигде больше, было не накопление богатства, но трансформация общественных отношений и отношений собственности — трансформация, вызвавшая к жизни особые императивы конкуренции и накопления. В этом смысле накопление капитала, в том его понимании, которого придерживался Маркс, есть скорее результат, чем причина капиталистических императивов.

Мне представляется, что концепция «примитивного накопления» Харви ближе к концепции Смита, чем Маркса. Несмотря на то, что у Харви очень нюансированный взгляд на этот процесс, который, в его понимании, конечно, подразумевает в том числе и экспроприацию у непосредственных производителей, он делает упор скорее на накопление богатства, чем на трансформацию общественных отношений и отношений собственности. Это обстоятельство также может помочь объяснить его критическое отношение к Марксу. Действительно, Маркс уделяет внимание первоначальному «накоплению», а не его позднейшим примерам, это происходит в силу того, что он использует данную концепцию именно с целью объяснения *истоков* капитализма и его особых императивов. Все это находится в остром противоречии с классическим понятием, которое не эксплицирует специфику капиталистических императивов, принимая стремление к накоплению за что-то само собой разумеющееся и рассматривая «коммерческое общество» как всего лишь количественный прогресс по сравнению с тем, что было ранее. Для Маркса же главное — идентифицировать особые динамики капитализма так, как того никогда не делали его предшественники; он хочет выявить, чем капиталистическое накопление отличается от прочих форм присвоения, и понять тот исторический разрыв, который сделал его возможным.

Именно новая системная историческая динамика капитализма объясняет последующее развитие капиталистического империализма как совершенно особой формы. Верно, что Маркс изучал особую динамику капитализма,

рассматривая его более-менее абстрактно как замкнутую на саму себя систему, однако, несмотря на то, что он не исследовал систематически ее влияние на империалистическую экспансию, его описание капиталистической динамики давало все инструменты для этого дальнейшим исследователям. Маркс не низводит «накопление, основанное на хищении, обмане и насилии» до «первоначальной стадии», этот вид накопления в той степени, в какой он остается существенной чертой капиталистического империализма, снабжается новой логикой, которая становится следствием, но никак не причиной особой динамики, присущей капитализму. Это не просто постоянные упражнения в захвате и сосредоточении богатства, но постоянное внедрение, поддержание и интенсификация рыночных императивов. Конечно, воровство, обман и насилие продолжают, но что позволяет капиталу своим особым образом эксплуатировать экономики по всему миру, так это повсеместное подчинение все больших сфер человеческой жизни рынку и тем императивам, которые это подчинение сопровождают. Вот в чем суть лишения собственности при капитализме.

Здесь мы сталкиваемся с проблемой основных марксистских теорий империализма, которые были разработаны для анализа классического «века империй» в конце XIX–начале XX столетий. Свое рассмотрение накопления через лишение собственности Харви начинает с цитаты из Розы Люксембург, в которой подчеркивается «двойственный характер» накопления капитала:

Одна сторона этого накопления касается товарной биржи и того места, где производится прибавочная стоимость — фабрик, шахт, аграрных держав. Рассмотренное в таком свете накопление оказывается сугубо экономическим процессом, наиболее важной стадией которого оказывается сделка между капиталистом и наемным рабочим¹⁶.

Эта эксплуатация происходит, как указывает Люксембург, между формально равными индивидами;

требуется пронизательная диалектика научного анализа для того, что раскрыть, как право собственности в ходе накопления превращается в присвоение собственности других людей, как обмен товарами превращается в эксплуатацию, а равенство становится господством одного класса.

Другая сторона накопления капитала «касается отношений между капитализмом и не капиталистическими формами производства». В этом случае отношения господства и эксплуатации оказываются прозрачными:

Сила, обман, подавление, мародерство используются в открытую, их не пытаются скрыть. Требуется усилие для того, чтобы увидеть в основе этого сплетения политического насилия и борьбы за власть суровые законы экономического процесса.

¹⁶ Цит. по: Harvey 2003, p. 137.

Можно совершенно обоснованно проводить различие между «чисто экономическим процессом» накопления и накоплением, использующим сверхэкономические средства: силу и обман. Что в постановке проблемы у Люксембург вызывает вопросы, так это ее предположение о том, что империализм относится исключительно ко второй стороне накопления. Верно, что такая интерпретация может не совсем верно отражать ее собственное понимание капиталистического империализма, так как она, вне всяких сомнений, понимала, что капитал уже тогда мог навязывать свою эксплуатационную власть на международном уровне чисто экономическими средствами. Однако не приходится сомневаться в том, что теории империализма в классическом марксизме, в общем и целом, касались территориального империализма, а не аналогичных капиталистической классовой эксплуатации форм господства, напоминавших «сугубо экономический процесс», который, подобно капиталистическим классовым отношениям, «касался товарной биржи» и был лишен той очевидности, которой обладал докапиталистический империализм.

Нет ничего удивительного в том, что такая позиция доминировала в условиях, когда империалистические отношения представляли собой взаимодействия относительно небольшой капиталистической сердцевины и преимущественно некапиталистического мира. В этом некапиталистическом мире капиталистические державы эксплуатировали территории в основном за счет мародерства, насилия, подавления и обмана. Соперничество империй между собой принимало форму борьбы за раздел и передел некапиталистического мира. Однако возникает вопрос: как далеко мы сможем уйти с этим теоретическим разделением между двумя сторонами накопления при анализе мира, в котором экономические императивы капитализма охватили весь мир в том объеме и в той степени, которую никак не предвидели великие марксистские теоретики империализма.

Целью Харви определенно является модификация теории Люксембург, чтобы сделать ее пригодной для понимания реалий глобального капитализма. Он начинает с возражений против ее понимания капиталистического кризиса, который она относит на счет недопотребления. Проблема, как утверждает Харви, не в недопотреблении, но в перенакоплении. Он также видоизменяет ее видение нужды капитализма все время эксплуатировать что-то некапиталистическим образом «вне себя самого» с целью собственной стабилизации. Несмотря на существование «диалектики внутреннего и внешнего» (капитализму, действительно, необходимо что-то «вне себя» для того, чтобы сделать возможным как накопление, так и его усвоение), эксплуатация уже существующих некапиталистических формаций не является единственным способом использования «другого». Капитализм может снова и снова «производить» «другого» для того, чтобы решать проблему перенакопления. Например, в условиях отсутствия резерва рабочей силы вне пролетариата (например, крестьян), капитализм способен создавать резерв из безработных, которые сбивают уровень заработной платы и «тем самым открывают новые возможности для выгодного использования капи-

тала»¹⁷. Диалектика «внутреннего и внешнего», а также сотворение «другого», могут воспроизводиться бесчисленным образом за счет той или иной формы лишения собственности.

Одновременно тезис Харви вытекает из разделения, проведенного Люксембург, между двумя сторонами капиталистического накопления: «экономический» процесс и тот процесс, который зависит от «сверхэкономических» сил. Снова повторю, что у меня нет возражений против этого разделения самого по себе, однако мне представляется, что Харви иногда склонен не замечать разницы между трансформацией общественных отношений и отношений собственности, с одной стороны, и концентрацией богатства посредством силы и обмана — с другой. Он анализирует огромный перечень средств от открытой экспроприации до лишения собственности в форме приватизации, но при этом данные процессы предстают у него не как средства навязывания экономических императивов, но как сверхэкономические процессы воровства (напоминает тезис о «простом воровстве» у Ханны Арендт). В описании Харви «накопление через лишение собственности» относится не к созданию или поддержанию общественных отношений и отношений собственности, порождающих рыночные императивы, но скорее к перераспределению ценностей, способствующему инвестициям. В ином контексте это было мной названо рыночными возможностями в противовес рыночным императивам.

РЕВИЗИЯ ДВУХ ЛОГИК

Имеют ли эти тонкости значение? В определенном смысле нет, так как теоретические предпосылки Харви вовсе не обязательно отражены в его эмпирическом анализе. В любом случае, все процессы, которые имеют значение, в его рассуждении присутствуют. Его теория накопления через лишение собственности охватывает не только старые формы насилия и обмана, но также и новые формы лишения собственности, например, через приватизацию. Харви может делать упор на важность сверхэкономического принуждения, однако он признает и даже настаивает на том, что капитал приобретает больше не от прямого подавления колоний, но от их открытости для капитала. Британия, утверждает он, получала больше от открытой динамики атлантической торговли, чем от колониального угнетения Индии; та же самая динамика позволила США со временем потеснить Британию в качестве гегемона. Здесь можно спорить о том, что важнее: политическая власть или экономические императивы. В любом случае, верно следующее: динамика торговли может быть «открытой» лишь при соблюдении определенных политических и территориальных условий, выводящих торговлю за пределы политической досягаемости «закрытых» европейских империй. При этом нет никаких сомнений в том, что для продвижения

¹⁷ Harvey 2003, p. 141.

рыночных императивов и расширения диапазона их действия, необходима некая политическая сила.

Есть еще один способ сформулировать противоречия капиталистического империализма, который может не совсем совпадать с тезисом Харви, но он, однако, импонирует мне больше всего. Для этого необходимо, во-первых, признать особенности капитализма и присущую ему форму присвоения отличными от прочих социальных формаций. Кроме всего прочего это значит, что нам придется признать особую роль «политического» в той системе, в которой собственность сама по себе не является «политически обусловленной», а присвоение происходит за счет «экономических» средств. В таком случае особая «политическая» логика капиталистического империализма будет отличаться от стремления к территориальной экспансии, прямому контролю над территорией или присвоению излишков за счет сверхэкономических мер: грабежа, налогообложения или подати. Сверхэкономическая власть, конечно, будет считаться существенной для накопления капитала, однако ее основными функциями будет: 1) внедрение, поддержание и навязывание общественных отношений и отношений собственности, благоприятных для осуществления экономической власти, 2) создание такого предсказуемого общественного и административного режима, который больше других благоприятствует капитализму, 3) комплексное обеспечение условий благоприятных для накопления. Любые противоречия между двумя «логиками» власти не примут форму напряжения между отдельными имперскими стремлениями; противоречия во взаимоотношениях между экономической властью капитала и политическими властями территориальных единиц, вне всяких сомнений, возникнут, однако эти взаимоотношения не совсем адекватно отражаются тезисом Арендт о том, что бесконечное накопление капитала требует бесконечного накопления политической власти. Наоборот, противоречия возникнут из уникальной способности капитала *дистанцироваться от* политической власти.

Здесь я не буду повторять однажды сказанное мной об этих противоречиях, я лишь сделаю акцент на одном или двух существенных аспектах в той степени, в которой они имеют отношение к капиталистическому империализму. Если существенная роль государства при капитализме заключается не в том, чтобы быть инструментом присвоения или формой «политически обусловленной собственности», но в том, чтобы, находясь несколько в стороне, быть средством создания и поддержания условий накопления и того общественного, правового и административного режима, который необходим для накопления, то это оказывается верным в отношении роли государства не только для одной конкретной экономики, но и для капиталистического империализма. Подобно тому как внутренний капитал требует порядка на национальном уровне, глобальная экспансия капитала требует поддержания порядка и условий накопления на уровне глобальном.

Однако здесь возникают абсолютно новые проблемы: необходимость порядка требует контроля, который не поспевает за глобальностью накопления капитала. Экономический размах капитала может быть глобальным,

однако поистине глобальное государство, способное предложить то надежное и обстоятельное управление, в котором капитал нуждается, никоим образом не мыслимо. При этом верно, что глобальный капитал разными путями извлекает прибыль из неравномерности национальных экономик и из контроля за мобильностью труда. Данные обстоятельства лишь укрепляют позиции территориальных государств в их деле по охране и контролю фрагментов потенциально глобальной экономики. Другими словами, глобальный капитал *нуждается* в фрагментации политического пространства.

При этом я считаю, что невозможность глобального государства соответствовать глобальному капиталу не есть что-то такое, что может быть ухвачено лишь на уровне теории. По большому счету, данное суждение есть основанная на практическом наблюдении констатация непреодолимой трудности поддержания в нужных географических масштабах того порядка и той предсказуемости, в которых нуждается капитал. Как бы там ни было, тезис о том, что особенностью капитализма является сама возможность существования противоречия между глобальным размахом капитала и территориальными лимитами государства, по-прежнему верен. Это можно увидеть на уровне теории.

В любом случае, чем более *глобальной* становится экономика, тем больше экономических зон оказываются в зависимости от территориальных государств и межгосударственных отношений. Капитал в своем стремлении утвердить и продвинуть на глобальном уровне условия накопления все больше начинает опираться на территориальные государства. Например, в деле реализации неолиберальных стратегий глобальный капитал сегодня повсюду зависит от локальных государств. Капитал, безусловно, использует новые трансатлантические организации для направления глобальной экономики, кроме того, сами территориальные государства вынуждены отвечать на нужды глобального капитала. Однако при этом политическая логика капитализма вместо создания некой разновидности глобального государства лишь усилила фрагментацию глобальной системы на территориальные единицы.

Соответственно, политическим выражением глобального капитализма является не глобальное государство, но глобальная система множества территориальных государств; это создает свои особые противоречия. Следствия этих противоречий мы начинаем замечать лишь сейчас. Разделение труда между политической и экономической властью, между капиталом и государством было более или менее выполнимым пока размах экономической гегемонии примерно совпадал с размахом национального государства. Однако сегодня наличествует все увеличивающийся разрыв между экономическим размахом капитала и охватом политической власти. Тогда как пересмотр существующих территориальных границ, сопровождающийся, с одной стороны, увеличивающейся регионализацией, а с другой — локализацией, вполне возможен, я не могу себе представить никакую реальную или потенциальную форму «глобального управления», способного предоставить тот уровень порядка и предсказуемости, который нужен капиталу.

Это значит, что те государства, которые действуют от лица глобального капитала, должны поддерживать не только свой внутренний, но и международный порядок между государствами. Речь больше уже не идет о захвате того или иного куска территории, доминировании над тем или иным народом, сокрушении того или иного имперского конкурента. Новый имперский проект зависит от умения контролировать всю глобальную систему государств и гарантировать имперскому капиталу безопасную и выгодную навигацию по ней. Однако в силу того, что не существует никакого единого всеобъемлющего глобального государства, наделенного властью вторгаться в национальные образования и контролировать их, снова возникают совершенно новые противоречия.

В частности, сверхэкономическая сила, необходимая для поддержания глобального порядка, необходимого капиталу, в условиях отсутствия глобального государства, должна применяться территориальными государствами. Эти территориальные государства должны, в свою очередь, гарантировать международный порядок, выгодный для движения капитала; однако в силу того, что это не может быть сделано через глобальную *политическую* власть, координирование множества государств становится, по большому счету, *военным* проектом. Военная политика основных капиталистических государств со времен конца Второй мировой войны опиралась на тезис о том, что для поддержания стабильной и упорядоченной системы множества государств, требуется одна намного превосходящая все остальные военная держава. Основным пунктом внешней политики США, начиная, как минимум, с 1940-х гг., а значит задолго до нынешнего режима Буша, было гарантирование неоспоримого господства военных сил США. В целом, этот принцип разделялся основными союзниками США среди развитых капиталистических государств.

Именно в такой ситуации стал возможен Джордж Буш: в ситуации, когда относительный упадок экономической власти США сделал ее военное превосходство еще более важным. Если Буш и смог мобилизовать эти силы так, как еще не удавалось его предшественникам, и если его имперский проект выходит за рамки того, что они (предшественники) предвидели, то лишь в силу того, что его основания — инфраструктурные и идеологические — уже были заложены предыдущими администрациями. Были, конечно, и перемены в этой преемственности, однако на более глубинном уровне мы имеем дело с устойчивой преемственностью, коренящейся в фундаментальных противоречиях капиталистического империализма.

Единая территориальная держава, контролирующая всю глобальную систему капитала — изначально противоречивый и опасный проект. Очевидно, что частные интересы этого самого единственного национального государства и его собственный национальный капитал неизбежно будут стремиться к превосходству над всеми остальными. Однако самый проблематичный аспект нового империалистического милитаризма заключается в том, что его военные цели по своей природе склонны к изменчивости. Прежние империи можно было разгадать с гораздо большей легкостью, так как их цели и размах притязаний были относительно хорошо определены: захват терри-

торий, ресурсов и рабов, монополизация торговых путей или простое устранение конкурента. В случае же «нового империализма», когда целью военного вмешательства становится не достижение четко поставленного результата, но предвидение развития всей глобальной системы и обеспечение господствующего положения в ней, вовсе не редкость видеть военные авантюры, не имеющие четкой задачи, радиуса или стратегии их прекращения. В силу же того, что территориальные границы государства-гегемона делают невозможным одновременное присутствие его вооруженных сил повсюду, то принципиальную важность приобретает «демонстрационный эффект». Военная политика бесконечной войны Буша, не ограниченная ни временем, ни географией, лишь доводит до предела ту логику неопределенного милитаризма, которая изначально присутствует в противоречиях нового империализма.

Например, безумие войны в Ираке, по всей видимости, необъяснимо без отсылки к этой особой военной логике. Одной нефти недостаточно, чтобы объяснить эту войну. Как подметили многие комментаторы, страны производители нефти не заинтересованы в том, чтобы чинить препятствия на пути тех, кто может себе позволить ее купить. Доступ США к нефтяному рынку Ближнего Востока никогда не был в особенной опасности. Даже если мы допустим, что в не очень отдаленном будущем запасы нефти будут сильно ограничены и что сегодняшние (и завтрашние) ведущие державы ищут способы установить контроль за стратегическими нефтедобывающими регионами, то даже в этом случае стратегическое положение США в заливе и их способность контролировать доступ к нефти третьих стран не требуют вторжения в Ирак или свержения Саддама Хусейна¹⁸. Не исключено даже, что хаос, вызванный вторжением, ухудшил положение США. Однако при реализации масштабного военного проекта нового империализма всегда, даже в условиях отсутствия конкретных целей, можно найти повод к войне. Здесь зачастую бессильны даже серьезные возражения против такого решения. В свете данного проекта вполне возможно (так, с моей точки зрения, обстояло дело в Ираке), чтобы цель применения военной силы выбиралась не из-за той угрозы, которую она представляет, но, наоборот, из-за того, что она не представляет никакой угрозы и, следовательно, оказывается отличным и безопасным для агрессора средством «устрашения остальных» (*pour encourager les autres*). То, что может показаться необъяснимым с точки зрения конкретной цели, обретает некий извращенный смысл, когда основной целью становится «шокировать и пугать», даже если эта извращенность и связанные с ней последствия вполне способны нанести ущерб.

НОВЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ И ОППОЗИЦИОННАЯ БОРЬБА

Я попыталась обозначить различия своей позиции и позиции Харви относительно роли политического в капиталистическом империализме. Харви настаивает на нужде капитала в постоянном расширении политического

¹⁸ По данному вопросу см. статью Бреннера в этом номере.

могущества, способного поддерживать бесконечное накопление. Это означает, что капитализм должен постоянно воспроизводить некапиталистическую логику политической и территориальной экспансии, а также те препятствия, которые эта логика создает для накопления капитала. Основной проблемой капитала в таких условиях становится *неспособность* обзавестись достаточной политической властью. Однако для меня главное противоречие связано с уникальной способностью капитала дистанцироваться от политической власти и территориальных ограничений в силу совершенно особого разделения труда между экономической и сверхэкономической властью. Это разделение коренится в капиталистических отношениях собственности. Капитализму свойственна не просто связь между политической логикой и логикой накопления, но совершенно новая политическая логика.

Как это различие влияет на наш анализ империализма? Оно влияет, например, на нашу оценку «века империй». Однако далее все становится более туманным. Я, сказать по правде, не уверена, означают ли мои аргументы простое несогласие с тем, каким образом Харви приходит к своим выводам, или же наши с ним подходы различаются настолько, что это требует дальнейшего разъяснения. Я не могу сказать точно, расходимся ли мы с ним в оценке роли государства в сегодняшнем империализме, а также в том, какие последствия это может иметь для оппозиционной борьбы.

Беглый взгляд на то, что каждый из нас говорит о развитии империализма — по существу, речь идет об империализме США — после Второй мировой войны, не выявляет серьезных различий. Например, и он, и я говорим о тех изменениях, которые имели место в 1970-х гг. по мере переключения интересов капитала США от продвижения стратегий «развития» во время долгого поствоенного подъема к неолиберализму в период экономического спада. Мы оба рассматриваем приватизацию в качестве «средоточия» второй фазы. Так имеют ли теоретические / исторические различия между нами какие-нибудь существенные следствия для анализа современного мира?

Не уверена, что смогу дать окончательный ответ на этот вопрос. Однако я попробую это сделать, проследив связь между тезисом Харви о взаимосвязи двух логик власти и его выводом о накоплении через лишение собственности. На поверхности эта связь очевидна: бесконечное накопление требует бесконечного расширения политической власти, стремящегося достичь такого уровня географического контроля, который делает возможным реализацию стратегий накопления через лишение собственности. Но после того как я согласилась с данной формулировкой, у меня возникают трудности с проведением различия между новым империализмом и тем, который существовал еще во времена Римской империи. «Никакое правительство в истории, — пишет выдающийся историк древнего Рима, — никогда не делало свое дело столь самозабвенно во имя личных выгод своего правящего класса, как правительство времен последних лет Республики» (речь идет о периоде расширения империи)¹⁹. Суть этого расширения заключа-

19 Badian 1968, p. 87.

лась в откровенном захвате новых земель—этот процесс не имел аналогов в истории—с целью полностью подчинить процесс накопления собственности правящему классу Рима. В орбиту этого стремления попадали территории не только непосредственно прилегающие к Риму, но и вся римская Италия. Это было явным присвоением через лишение собственности, осуществлявшимся не только в отношении колониально зависимых территорий, но и в отношении собственных крестьян. Прочие империи древности также использовали сверхэкономическую власть—политическую и военную—для получения максимального дохода с зависимых людей в форме налогов или дани. Однако ничего подобного Римской озабоченности частной собственностью и той военной силы, которая использовалась для ее приобретения, не было и в помине.

Накопление собственности в духе Древнего Рима никоим образом не было подвижно особыми императивами накопления капитала. Одного этого уже достаточно для того, чтобы отличить его от капиталистического империализма. Однако, если мы возьмем позицию Харви, то не совсем понятно, как он собирается отличать данные императивы от всех прочих стремлений к накоплению частного богатства. Кроме того, не ясно, каким образом роль политической и военной силы при капиталистическом накоплении капитала отличается от ее роли в условиях не капиталистических форм присвоения. Например, правящий класс Рима, создав имперское государство для службы своим интересам, вскоре начал рассматривать это государство как обременительную неприятность. Не понятно, как это напряжение отличается от описываемого Харви противоречия между политической и экономической логикой капитализма.

Однако различия, в том случае, когда мы касаемся Рима, безусловно, существуют; эти различия имеют важные следствия. Рим в момент перехода от небольшой республики к огромной империи был экспансионистским государством, а его правящий класс по степени своей жадности и «одержимости индивидуализмом» до сих пор имеет мало прецедентов в мировой истории. Но при этом в отличие от своих капиталистических аналогов ни государство, ни правящий класс Рима не были охвачены ни экономическими императивами конкуренции, ни нуждой «максимизировать» свои стратегии, чтобы соответствовать этим императивам, ни принуждением к увеличению производительности труда, ни, наконец, постоянным стремлением к саморасширению капитала, которое всегда сопровождает эти процессы. Все эти императивы проистекают из капиталистических общественных отношений и отношений собственности. Не было в Риме и ничего сравнимого с доминированием за счет экономических мер, которое делает возможным накопление без прямого использования силы принуждения. Что у Рима в период экспансии действительно было, так это правящий класс, состоящий из военачальников: сенаторы, аристократы-собственники, которые без всяких посредников управляли как государственной, так и военной мощью, используемой в целях накопления собственности. Имущий класс, действующий как политическая и военная машина, используемая для част-

ного обогащения, — вот фундаментальное отличие римского империализма от любой капиталистической империи, в которой основная форма накопления — «экономическая». Эта форма, осуществляемая господствующим классом, не требует прямого использования сверхэкономической силы. Политическая и военная сила держатся на некоторой дистанции от процесса накопления.

Это значит, помимо всего прочего, что приватизации в том виде, как она практикуется в условиях нового империализма, по определению была бы невозможна нигде кроме империи капитала. Она не мыслима ни в контексте римского империализма, ни в контексте любой другой империи. Данная разновидность лишения собственности отличается от простого перехода собственности от первоначального владельца в руки более могущественной силы. По сути, это способ вывести собственность из-под контроля любой общественной или общинной власти и сделать ее целиком зависимой от экономической власти капитала. Кроме того, это приводит к изменению роли сверхэкономической власти в поддержании этого процесса.

То, что было мной подмечено, никоим образом не является новым для Харви. Я даже склонна утверждать, что различия между нами в меньшей степени касаются делаемых выводов, чем способов их достижения. Но все же я колеблюсь по поводу одного важного аспекта, который напрямую зависит от того, что было сказано мной выше. У меня есть некоторые сомнения относительно замечаний Харви об оппозиционной борьбе. Как мне кажется, необходимо делать гораздо больший упор на возможности и потребности в борьбе на уровне территориального государства. Я согласна, что любая локальная или национальная борьба должна стремиться выйти за узкие территориальные границы, но при этом я гораздо ниже, чем Харви, оцениваю эффективность транснациональной борьбы в том виде, в каком она представлена антиглобалистами, основными целями которых оказываются транснациональные инструменты капитала, такие как МВФ или Большая восьмерка. Вытекает ли наше несогласие друг с другом (если, конечно, оно является таковым) в данном вопросе из наших теоретических разногласий, сказать сложно, но я все-таки осмелюсь сделать такое предположение.

Среди аналитиков глобализации, как правых, так и левых, как ее сторонников, так и ее противников, есть общераспространенное мнение о существовании обратной зависимости между степенью глобализации и важностью территориальных государств. Это допущение стимулирует рассмотрение транснациональных организаций в качестве первоочередных целей оппозиции. Не исключено, что тезис Харви о связи между экономической и политической властью есть более утонченная и нюансированная формулировка того же самого принципа. Подразумевается, что глобальный капитал тяготеет к глобальному государству и что, следовательно, оппозиция должна действовать на наднациональном уровне. Я согласна, что данная позиция крайне далека от любой механистической модели надстройки/базиса. никоим образом не подразумевается, что политическая надстройка следует за эко-

номическим базисом наподобие механического, хотя и отсроченного рефлекса. Наоборот, политической «логике» приписывается большая степень независимости, что является, согласно этой точки зрения, источником фундаментальных противоречий капиталистического империализма. Однако, несмотря на все это, базовый принцип остается прежним: размах политической власти должен соответствовать размаху капитала, который, в свою очередь, создает мощный стимул продвигаться в этом направлении.

Я однажды уже пыталась представить альтернативный взгляд на взаимоотношения между экономической и политической логикой капитализма. Если размаху политического могущества не удастся достичь масштабов накопления, то это происходит не в силу какого-то независимого внешнего по отношению к капиталу политического или территориального импульса, действующего зачастую вопреки логике накопления. Верно, что издержки политической власти могут плохо сказываться на накоплении капитала. Однако я снова повторяю свой тезис: специфическое разделение труда между политической и экономической властями, что является сутью капитализма, обозначает потребность глобального капитала во фрагментации политического пространства. Национальное государство полезно для глобального капитала в силу его уникальной, недоступной для капитала способности придавать миру такую форму, которая дает этому капиталу возможность управлять мировой экономикой. Именно сегодня больше чем когда-либо мир становится системой территориальных государств. Его экономическое функционирование в наибольшей степени зависит от этой системы, действующей за счет межгосударственных отношений. Противоречие здесь заключается не в автономии политической логики и логики капитала, но скорее в противоречивых потребностях самого капитала.

Данное противоречие, безусловно, касается растущей дистанции между экономической властью капитала и территориальными лимитами той сверхэкономической власти, от которой первый зависит. Но это противоречие не возникает вследствие независимого территориального или политического стремления, мешающего или противодействующего импульсам накопления капитала. Суть противоречия в том, что глобальный размах капитала делает его (все больше?) зависимым от локальной сверхэкономической власти. Это не только порождает международную нестабильность, но также — этот момент для меня интереснее всего — делает капитал более уязвимым для оппозиционной борьбы на национальном уровне.

Рассредоточение экономической власти по нескольким центрам в условиях, когда государство формально находится в стороне, предстает в качестве мнимо нейтральной политической власти, всегда создавало трудности для антикапиталистической борьбы. Все труднее становится вычислять то, против чего необходимо бороться. Капитал всегда выигрывал от воззрения, согласно которому в капиталистических государствах не существует сосредоточения власти; это же воззрение всегда было препятствием для борьбы против него. Популярный ныне взгляд (например, см. книгу Майкла Хардта и Антонио Негри) о том, что глобализация подразумевает (если воспользо-

ваться их словами) отсутствие «точки сосредоточения власти», наталкивает на вывод о невозможности в таких условиях и «контрвласти»²⁰. Здесь звучит политическое послание следующего содержания: если вы не опустите пораженчески руки, то вам остаются либо локальная частная борьба против локального частного притеснения, либо борьба с глобальным капиталом на непонятном наднациональном уровне. И в том и в другом случае вывод таков: политическая власть на уровне государства бесполезна, бесполезна также и борьба классово ориентированных организаций за перераспределение власти в государстве между классами.

Однако моя позиция подразумевает несколько иное заключение. Тезисы в стиле Хардта и Негри, не вдохновляющие на оппозиционную борьбу, представляются мне непригодными, не в последнюю очередь в силу того, что они лишают эту борьбу любых ясных целей. Их взгляд на государство и национальную борьбу кажется мне совершенно неправильным. Интеграция глобальной экономики не просто сделала корпорации более уязвимыми для локального, регионального и национального сопротивления²¹. Она также сделала территориальное государство для капитала во многих отношениях даже еще более важным. Значит, организованная политическая борьба на уровне государства становится более, а не менее значимой²².

Возьмите в качестве примера недавние события в Европейском Союзе. Референдум во Франции и Нидерландах, ввергнувший ЕС в кризис, должно быть, открыл новые возможности кооперации для тех, кто с левого фланга противостоял этой Конституции (не обязательно на явно антикапиталистических началах, кто-то просто хотел защитить «социально ориентированную» Европу от «англосаксонской» модели капитализма). Эти возможности будут утрачены — если это уже не произошло — в условиях отсутствия организованных политических сил на левом фланге, готовых бороться за государственную власть на уровне территориального государства и обладающих правдоподобной программой урегулирования последствий глобализации. Все это, конечно, не значит отрицание важности региональной и международной солидарности. Будущее объединенной Европы, а также будущее левой европейской антикапиталистической борьбы за пределами ее границ в меньшей степени зависит от протестов на саммите Большой Восьмерки, какими бы многочисленными и организованными они ни были. Гораздо более важно, удастся ли французам устранить беспорядок среди своих левых партий или (что вполне может быть) произойдет ли перестроение политических сил в Германии, а также, возможно, в Британии, которое приведет к появлению настоящих социалистических партий, опирающихся на существенную народную поддержку.

20 Хардт и Негри делают этот вывод, а затем пытаются помыслить альтернативу (мистическую по своей сути), которая имеет мало общего с реальной конфигурацией власти в современном мире.

21 Gindin 1999.

22 Все это я уже излагала подробнее в другом месте. См.: Wood, 2002; Wood, 2003.

Я не имею никакого представления о том, согласится ли Харви с тем, что было сказано выше. Я знаю, что слишком уж преувеличивала различия наших позиций. Однако для меня очевидно одно: здесь есть что обсуждать.

Перевод с английского Дмитрия Узланера

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Badian, Ernst 1968, Roman Imperialism in the Late Republic, Second Edition, Oxford: Blackwell.
2. Gindin, Sam 1999, «Notes on Labor at the End of the Century: Starting Over? », in Rising from the Ashes: Labor in the Age of «Global» Capitalism, edited by Ellen Meiksins Wood, Peter Meiksins and Michael Yates, New York: Monthly Review Press.
3. Harvey, David 2003, The New Imperialism, Oxford: Oxford University Press.
4. Hobsbawm, Eric 1989, The Age of Empire: 1875–1914, New York: Vintage.
5. Wood, Ellen Meiksins 2002, «Global Capital, National States», in Historical Materialism and Globalisation, edited by Mark Rupert and Hazel Smith, London: Routledge.
6. Wood, Ellen Meiksins 2003, Empire of Capital, Second Edition, London: Verso.
7. Wood, Ellen Meiksins 2005, «Where Is the Power of Capital? Globalization and the State», in Anti-Capitalism: A Marxist Introduction, edited by Alfredo Saad-Filho, London: Pluto Press.